

МАРИНА ВЕТРОВА

Меня не сломать,
ДОКТОР ДОРН!

Марина Ветрова

Меня не сломать, доктор Дорн!

«Автор»

2026

Ветрова М.

Меня не сломать, доктор Дорн! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Я приехала в элитную медицинскую академию с потёртой сумкой, двумястами рублями и мечтой стать хирургом. Уже в первый день меня унизил Марк Дорн — богатый наследник знаменитой врачебной династии. Потом исчезли мои исследования, заморозили стипендию и обвинили в краже медицинских образцов. Меня решили сломать. Но я случайно обнаружила страшную тайну академии: здесь годами присваивали чужие открытия и ставили жестокие эксперименты над студентами. Мой единственный союзник — загадочный интерн Кирилл Соколов, который тоже мечтает уничтожить систему. Теперь на кону моя карьера, опасные секреты влиятельных хирургов и любовь, которой я совсем не ожидала. Но кто действительно заслуживает моего доверия?

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Ветрова

Меня не сломать, доктор Дорн!

Глава 1

До распределения оставалось десять минут, а меня не пускали даже к лифту. Я ещё держалась за ручку дорожной сумки, будто от этого зависело, разрешат мне здесь остаться или отправят обратно.

В корпусе дуло прямо на вход. Я вытащила из кармана студенческий билет, разгладила загнувшийся уголок и приложила к турникету. Третий курс, стипендиатка — всё написано. Если меня нет в их базе, это не значит, что меня не существует. Турникет пискнул и загорелся красным. Я попробовала другой стороной. Опять красный.

— Отрицательная верификация, — лениво бросил охранник, даже не поднимая глаз от телефона. Его форма сидела на нём как на манекене, безупречная, чистая. Моя же куртка пахла автобусной пылью и дешевым мылом.

— Это мой пропуск, — сказала я, чувствуя, как горло сжимается от сухости. — Здесь написано: «Студент 3 курса». Проверьте базу данных.

Он хмыкнул, потянулся к терминалу и набрал код так медленно, будто это было его личное оскорбление.

— Система глючит у таких, как ты, деточка. Нет привязки к карте. Хочешь пройти быстрее? Есть услуга «ускоренной регистрации». Пятьсот рублей. Наличными.

Пятьсот рублей. У меня было двести сорок. И эти деньги были моим завтраком, обедом и ужином на ближайшие три дня. Если я отдам их сейчас, я умру с голоду до пятницы. А если не пройду через этот турникет за десять минут, опоздаю на распределение мест в общежитии. Опоздание — это автоматический отказ в заселении. Без места жить негде.

На мою сумку он посмотрел дважды, на билет — ни разу. Я отодвинула сумку ногой, достала телефон и включила диктофон. Пальцы были такие холодные, что запись началась только со второй попытки. Хорошо. Вторую попытку тоже можно считать началом.

— Статья 12 устава университета запрещает взимание платы за услуги, входящие в стоимость обучения, — произнесла я тихо, но четко. Он наконец отложил телефон. Я следила за красной точкой на своём экране: главное, чтобы запись не остановилась. — Либо вы пропускаете меня по праву студента, либо я вызываю деканат и полицию. Прямо сейчас. Громкость записи позволяет услышать всё в радиусе пяти метров.

Охранник посмотрел на экран и протянул руку. Я убрала телефон за спину. Он грязно выругался себе под нос, ткнул в кнопку на панели — так вот насколько сложной была эта регистрация. Створки открылись.

— Проходи, мелкая пакость, — шепнул он сквозь зубы.

Я прошла, зацепившись сумкой за створку, и чуть не вернулась извиняться. За что? За то, что у меня нет пятисот рублей? Уже возле лифта я проверила карман с деньгами. Двести сорок остались при мне. Значит, вечером будет хлеб.

В стеклянном лифте хотелось отвернуться от своего отражения. Куртка топорщилась над сумкой, воротник стоял неровно, поправлять его было уже некогда: двери почти закрылись. Между створками просунули руку, и внутрь вошли несколько студентов. Отступила к стеклу. Кто-то задел сумку; подтянула её выше и прижала к груди. Обе смены одежды, учебники, кружка — всё ещё со мной. Над заплаткой я вчера сидела сорок минут, торопясь закончить до автобуса. Теперь девушка в белых туфлях морщилась, глядя именно на неё. Прикрыла заплатку ладонью, хотя это, наверное, было ещё заметнее.

Дверь лифта начала сходиться. Кто-то из парней, смеясь над шуткой, сделал шаг назад, заблокировав датчик движения. Створки снова разъехались. Я не успела отступить. Ручка сумки зацепилась за край двери.

С треском ткань натянулась. Из разошедшегося шва выпали учебники анатомии, жестяная кружка и пачка влажных салфеток. Кружка звонко покатилась по полу, останавливаясь у туфель Евы Лунской.

Тишина в лифте стала осязаемой. Ева посмотрела вниз. Её белые туфли на платформе были идеальны. Рядом валялась моя кружка с облупившейся краской.

— Боже, какая грязь, — протянула она, не повышая голоса, но так, чтобы слышал каждый. — Из глубинки притащили хлам. Ты вообще понимаешь, где находишься? Или привыкла разбрасывать навоз по полю?

Сопровождающие её ребята захихикали. Я потянулась за кружкой, но Ева не убрала ногу. Подождала, пока я подниму голову. Ей нужна была именно эта секунда: я внизу, она смотрит сверху, остальные ждут, что я скажу. Я молча опустилась на корточки. Колени хрустнули. Мои пальцы дрожали, собирая книги. Одна страница порвалась. За одну эту страницу пришлось бы заплатить в копировальной мастерской. Я прижала оторванный край к книге, чтобы не потерять. Мне уже щипало глаза. Только бы не всхлипнуть, пока я стою перед её туфлями. Порванную страницу я вложила между целыми: склею вечером, сейчас нужно собрать остальное.

Ева сделала шаг назад, отряхивая юбку, будто я дышала на неё.

— Отойди, — сказал один из парней, открывая дверь на нашем этаже. — Нам тут не нужно твоего запаха.

Поднялась, подцепив уцелевшую ручку сумки. Вторую спрятала внутрь, чтобы снова не зацепиться за створку. На нашем этаже вышла раньше остальных. Хотелось завернуть за угол: пусть не видят, как я вытру лицо рукавом.

У кулера разлили воду. Заметила её слишком поздно: подошва поехала, пришлось хвататься за стену. Сумка потянула вниз, оторвать ногти от штукатурки было страшно — упаду. Постояла, пока перестало кружиться в голове, и выпрямилась. На стене остались белые царапины. Отлично, ещё и ремонт им здесь сделаю в первый день.

Марк Дорн прошёл близко, и я увидела свою мокрую руку на фоне его рукава. Посмотрел на пальцы, потом на лицо. Убрала ладонь от стены: пусть не думает, что без неё не могу стоять. Он усмехнулся и пошёл дальше. Догонять и спрашивать, что смешного, мне хотелось. Ещё больше хотелось успеть в деканат, поэтому я подхватила сумку и пошла в другую сторону.

У окна деканата очередь уже заворачивала к двери. Встала последней, проверила время. Когда продвинулись, передо мной оказался Марк, хотя я точно видела, как он пришёл позже. Секретарь перебирала его бумаги. Моя папка лежала с краю; оставалось попросить взять её следующей, пока он не придумал ещё одно срочное дело.

Марк демонстративно положил свой паспорт поверх моей папки, блокируя доступ к окну.

— Извините, — сказал он, обращаясь к секретарю, игнорируя меня полностью. — У меня срочное дело. Распределение в лабораторию.

Он прикрыл паспорт моей фамилией. Если займёт секретаря, меня отправят приходить завтра. После ночного автобуса и пятисот рублей на входе я не собиралась начинать сначала.

Я резко выхватила свою папку из-под его руки. Тканевый переплет задел его локоть. Марк обернулся. Медленно.

— Что ты делаешь? — спросил он. Голос был бархатным, опасным.

— Иду в очередь, — ответила я, глядя ему в глаза. — Правила одинаковы для всех. Даже для сыновей главного хирурга.

Секретарь перестала писать. Марк посмотрел на папку у меня в руке и рассмеялся. Что, нельзя взять собственные документы? Я держала их за корешок, чтобы он не вернул обратно под паспорт. Слишком долго ждала своей очереди.

— Смелая девочка. Посмотрим, надолго ли хватит смелости.

Он забрал свои документы и ушел, оставив после себя запах дорогого табака и безнаказанности. Я получила ключ от комнаты и отметку о заселении. Секретарь назвала мою фамилию первой — не его. Я спрятала ключ в карман и лишь там стиснула его: сегодня мне будет где спать. Марк мог сколько угодно усмехаться, но мои десять минут больше не принадлежали ему.

Глава 2

До комнаты для «социально незащищённых» пришлось пройти старое крыло общежития. Из кухни пахло картошкой; я сбавила шаг. Комната 402 была дальше. Ключ повернулся не сразу. Прижала дверь плечом, попробовала ещё раз — поддалась.

В комнате пахло сыростью. Соседка в пижаме с дорогим логотипом слушала музыку. Басы были слышны даже у двери; поставила сумку на стул и подождала, что она заметит меня. Пижаму такую я видела в витрине, пока искала остановку.

— Можно тише? — спросила я, кладя сумку на скрипучий стул. — Мне нужно учиться. Она вытащила один наушник и посмотрела, где я поставила сумку.

— Это моя комната тоже. И мне плевать на твои учебники.

Соседка снова отвернулась. Села на матрас; он продавился почти до сетки. Могла ещё раз попросить выключить музыку, но спорить до первого вечера не хотелось. Раскрыла тетрадь и стала составлять расписание: лекция, вечером починить ручку сумки. Теперь хотя бы понятно, что я ещё могу сделать сама.

На первой лекции застряла в проходе. На первых рядах лежали ноутбуки и стаканы с кофе; дальше тоже сидели люди. Огляделась ещё раз, приподняв сумку: может, с краю пропустят? Никто не подвинулся, хотя несколько человек уже смотрели на меня.

Профессор Ковальский, друг отца Марка, ходил вдоль доски, постукивая указкой по столу. Он остановился напротив меня.

— Молодой человек... или девушка? — он прищурился, сканируя взглядом мою старую куртку и потертые джинсы. — Судя по одежде, вы пришли посмотреть на оперных певцов? Или будете учиться?

Хихикали даже на последних рядах. Потянула воротник вниз — жарко стало до ушей. Ковальский ждал ответа. Значит, он спрашивал не для того, чтобы я могла молча пройти на место.

— Буду учиться, — ответила я ровно.

— Тогда найдите место. Или освободите его. Мы не устраиваем цирковые представления.

Прошла между рядами. «Настоящая нищенка», — сказали за спиной; второй голос спросил, зачем я приехала. Ни одного пустого стула. У стены было свободно, и я села на пол, пристроив сумку сбоку. Подтянула колени, раскрыла тетрадь. Доску отсюда видно. За этим я и пришла, так что писать смогу.

Ковальский замолчал, увидев меня на полу. Приготовилась вставать — вдруг велит выйти? Он постоял и отвернулся к доске. На этот раз со мной никто не разговаривал. Пришлось писать быстро, догоняя начало; наконец-то я расслышала его без чужого смеха.

В коридоре прислонилась к колонне. Колени после пола никак не распрямлялись до конца. Достала салфетку, провела по лбу — пальцы тоже мокрые. Кто-то подошёл, но отходить от колонны пока не хотелось.

— Ты правильно сделала, что села на пол.

Передо мной стоял Кирилл Соколов, интерн. Шрам на лице пересекал бровь. Задержала на нём взгляд и отвела — некрасиво пялиться, когда человек заговорил со мной. Он держал пачку историй болезни и говорил тихо, не перекрикивая коридор.

— Места в первом ряду нужны только для фото в соцсетях, — продолжил он, не отводя взгляда. — Для знаний важнее видеть доску, чем попасть в камеру. Ты всё записала. Они половину лекции снимали себя.

Хотелось спросить, правда ли он так думает. За весь день никто не говорил о том, что я что-то записала, поняла или сумела сделать. Только о том, во что одета. Посмотрела на карты в его руках: он ещё и тратил на меня время, хотя шёл по делу.

— Спасибо, — прошептала я.

Он кивнул и протянул мне чистую салфетку, заменившую ту, что была у меня в руках. Я взяла её. На бумаге была чернильная клякса, похожая на сердце, и мелкий почерк: «Удачи в яме. Там дышится легче, чем на троне».

Я подняла глаза. Из тени колонны на другом конце коридора за нами наблюдал Марк. Его фигура сливалась с полумраком, но взгляд был направлен точно на нас. На салфетку в моих руках. На Кирилла.

Марк заметил, что я смотрю на него, и не отвёл глаз. Я тоже не отвела. Не хотелось давать ему ещё и это — право напугать меня, ничего не сказав. Мне хотелось вернуться сюда завтра и ответить так, чтобы Ковальскому пришлось назвать мою фамилию без насмешки. Я сложила салфетку, пряча смешное пожелание внутрь, и впервые за день улыбнулась.

Перед дверью операционной №3 Марк успел допить кофе и отдать пустой стакан кому-то из своей группы. Я смотрела, как он идёт к столу, не проверяя, пропустят ли его. Мне же всё время хотелось спросить, туда ли я встала и можно ли сделать следующий шаг. А я пахла дешёвым мылом из общежития и вчерашним хлебом, который так и не успела доест. Желудок сводило судорогой, но я держала спину прямо. Согнусь сейчас — Марк спросит, не пора ли мне обратно в общежитие. И я не была уверена, что сумею ответить.

На костюме почти не было складок, зато на руках всё видно: перчатки подрагивали. Я прижала локти к себе и стала мысленно перечислять структуры. Печень, пузырь, протоки. Одна и та же анатомия — не бывает особой печени для стипендиатки и особой для сына хирурга. Нельзя думать об этом за стеклом. Посмотрела на операционное поле и вдохнула через маску. В таком виде даже нормально вздохнуть трудно, но хотя бы никто не заметит, что у меня дрожат губы. Если дадут инструмент, возьму как учили. Если спросят — отвечу по делу. На сегодня это весь мой план.

Марк стоял у стола так, что я видела его поверх плеча хирурга. За маской лицо было не разобрать; зато по глазам я поняла, что он смотрит именно на меня. Даже после начала операции нашёл время. Сестра ответила на его замечание раньше, чем на просьбу хирурга. Меня это задело: у Марка даже не было инструмента в руке, а люди уже подстраивались под него. Когда главный хирург начал разрез, Марк повернул голову ко мне.

— Ветрова, — его голос был тихим, бархатным и опасным. — Назови структуру, которую ты видишь перед собой. И не надо бубнить, как на экзамене. Говори так, будто этот пациент — твой единственный шанс выжить.

Я увидела комиссию за стеклом и сперва забыла самое простое слово. Проток. Я же рисовала его ночью, ещё раз перед выходом, на крошечном поле тетради. Посмотрела на операционное поле и заговорила: — Тело желчного пузыря, шейка, проток. Признаков воспаления нет. Анатомический вариант типичный.

Марк посмотрел на инструмент, который я держала, и усмехнулся. Мой ответ он услышал. Возражать по анатомии было нечего, пришлось придаться к голосу. — Точно, — протянул он, разглядывая мои пальцы, сжимающие инструмент. — Но звучит жалко. Как будто ты сама не веришь в то, что твои руки могут спасти жизнь. Уверенность, детка, стоит дороже знаний. А у тебя её нет.

Так и хотелось спросить, где продаётся его уверенность. Наверняка отец оптом закупил. Вместо ответа слотнула и проверила, как держу инструмент. Пререкаться возле операционного стола нельзя; он, в отличие от меня, мог об этом забыть.

Ассистент справа начал отходить от стола.

Его локоть ударил меня в руку, пока я принимала сменный скальпель у сестры. Я дёрнулась, попыталась удержать инструмент, но уже поздно: он скользнул между пальцами, стукнул по краю и упал на кафедру. Звон слышали все. Даже не нужно было оборачиваться к стеклу, чтобы знать, что там смотрят. Сестра ещё держала руку протянутой, будто передачу можно

было повторить и отменить случившееся. Я смотрела вниз, туда, где скальпель остановился у ножки столика.

Не двигаться. Не пытаться подобрать. Я это знала, но всё равно захотела нагнуться. Удержалась и стояла, ожидая замечания хирурга. Марк оказался быстрее.

Марк перевёл взгляд с пола на меня. За стеклом сидела комиссия и наш курс. Он дождался, чтобы смотрели все. — Извини, детка, здесь не поле картошки, чтобы грязь разбрасывать.

Картошка. Он не заметил ни верного ответа, ни локтя ассистента. Нашёл во мне только картошку. Я услышала смешок за стеклом и сразу узнала, кто будет повторять эту фразу после операции. В зале повисла давящая тишина. Кто-то из студентов за стеклом хихикнул. Ева Лунская? Нет, она смотрела с выражением показной скорби. Я кусала нижнюю губу до металлического привкуса крови, отказываясь давать Марку удовлетворение увидеть слезы. Вместо этого я отступила от стерильного стола и предупредила сестру. Санитарка убрала упавший инструмент в отдельный лоток; я сменила перчатки и вернулась только после разрешения хирурга. Сестра показала, куда отойти, я послушалась. Пока меняла перчатки, никак не могла попасть правой рукой. Повернулась к стеклу спиной: хотя бы пальцы не будут видеть.

Глава 3

После операции вышла в коридор и привалилась к бледно-зелёной стене. Перчатки уже сняла, а ощущение, что они жмут, осталось. Потёрла запястья. Дышать без маски оказалось проще; говорить с кем-нибудь совсем не хотелось.

— Ты держалась молодцом.

Я вздрогнула. Ева Лунская стояла в паре шагов, идеально причёсанная, в безупречном халате. Она протянула мне платок. Дорогой, шелковый, пахнувший чужими деньгами. — Он всех так ломает, — прошептала Ева, оглядываясь. — Марк... он жесток, когда чувствует конкуренцию. А ты сегодня показала характер. Не бери в голову. Я могу помочь тебе восстановить баллы за этот промах. У нас есть одна работа в архиве, монотонная, но нужная. Деканат любит, когда студенты берутся за черновую работу. Это спасет твою стипендию.

Я узнала тот же голос, который вчера велел убрать кружку. Платок был протянут так близко, что я различала вышивку на углу. Если не возьму, Ева скажет, что я ещё и неблагодарная. Если возьму, должна буду поверить в её внезапную доброту. Но я посмотрела на свои дрожащие руки и поняла: мне некуда деваться. Без баллов меня отчислят через неделю. — Спасибо, — выдохнула я, принимая платок. — Что нужно делать?

Ева улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что стало тошно. — Просто переберешь старые образцы тканей. Подвальное помещение, биоматериалы прошлого года. Проверишь целостность ампул. Скучно, но честно.

Она повела меня вниз, в архив биоматериалов. Это было отдельное крыло здания, погруженное в полумрак и гул вентиляционных шахт. Воздух здесь был тяжелым, влажным, пах плесенью и формалином. Ева оставила меня у огромных металлических стеллажей, забитых коробками. — Начни с третьей секции, — указала она на дальний угол. — Я зайду через час проверить.

Ева велела проверить целостность — я проверяла. Вытаскивала ампулу, поворачивала к свету, сверяла этикетку и возвращала в ячейку. Потом следующую. У нескольких наклейки размокли; пришлось вглядываться в мелкие цифры. Пока я возилась с ними, прошёл обещанный час. Ева не пришла. Зато образцов осталось ещё две коробки, и если бросить их, она скажет, что даже эту работу я не смогла закончить. Удобно: я не на практике, она свободна, а любое возражение можно назвать неблагодарностью. Я передвинула коробку ближе к ногам и продолжила сверять.

Последнюю коробку проверяла уже сидя на полу. Вставать ради каждой ампулы не хотелось: потянулась, поставила её к свету и вдруг заметила, что она пустая.

На дне одной из картонных коробок лежала пустая ампула. На наклейке значилось мое имя: *Ветрова А.В.* Дата: сегодняшний день. Время: ровно тот момент, когда я роняла скальпель. Рядом, придавленная стопкой старых журналов, лежала записка, написанная аккуратным почерком Евы.

«Спасибо, что отвлекла его внимание своим падением. Пока комиссия обсуждала твою неуклюжесть, я забрала ключевые данные из серверной. Теперь ты тоже в игре, милочка. Никто не заметил, что исчезли именно те образцы, которые нужны для моей научной работы. А ты останешься виноватой в небрежности.»

Я перечитала записку, потом время на ампуле. Во время операции я никак не могла оказаться в этом подвале. Ведь не могла? По часам — нет. Но тут стояло моё имя, а Ева сама привела меня к этим коробкам. Она присвоила данные и уже готовила обвинение против меня, подставив меня под статью за кражу или порчу имущества. Ей было мало украсть данные. Она ещё и позаботилась, чтобы я нашла её записку и знала, кто меня подставил.

Схватила ампулу и поднесла ближе, чтобы прочитать наклейку ещё раз. Кто-то напечатал мою фамилию именно для этой коробки. Пустое стекло я держала так осторожно, словно внутри ещё был образец. Оно нужно мне. И записка тоже.

Телефон завибрировал в кармане. Достала, повернула экран от лампы, чтобы прочитать. От деканата. Уже? Я ведь ещё не успела выйти отсюда и никому ничего не сказала.

****ДЕКАНАТ:**** *«Уважаемая студентка Ветрова. Ваша стипендия приостановлена до выяснения обстоятельств инцидента с потерей материалов в архиве. Ожидайте вызова на дисциплинарную комиссию.»*

За дверью смеялись. Голос Евы узнала сразу: она не ушла домой, не забыла, где меня оставила. Стояла совсем рядом и с кем-то разговаривала. Я поднесла телефон к двери, но слов не разобрала; смех записывать бессмысленно.

Край ампулы давил на ладонь. Разжала пальцы, проверила, целое ли стекло. Порежусь ещё — в довершение дня. Хорошо бы она не услышала, как я открываю сумку.

Мне даже стало смешно. Ева потратила столько времени, чтобы сделать меня виноватой, и сама оставила записку со своим почерком. Не знаю, кому её покажу. Но точно не выброшу.

Ева думала, что выиграла войну, используя мою слабость. Она ошиблась. Она только начала. Я сфотографировала наклейку и записку, убрала бумагу в тетрадь, а ампулу завернула в салфетку и спрятала во внутренний карман халата. Если меня заставят выворачивать карманы, фотографии останутся в переписке с самой собой. Запись нужно было сберечь. Я проверила, отправились ли фотографии: две маленькие галочки, вот всё, чему здесь можно было доверять.

В анатомическом зале пахло формалином. Вчера после архива я так и не смогла выветрить его из куртки; сегодня опять почувствовала на пороге. Хотелось начать нормальное занятие: получить препарат, сделать работу, сдать преподавателю. Но на моём месте уже что-то лежало.

Рюкзак Евы висел на спинке стула. Бежевая кожа, золотая молния — его даже с другого конца зала узнала бы. Рядом вместо свежих препаратов для нейроанатомии оставили почерневшие образцы с плесенью и записку: «Извини, Ветрова, места мало. Потренируйся на этомхламе». Я подняла её, проверила обратную сторону. Подписи не было. Можно подумать, без неё я не пойму, кто оставил.

Двенадцать человек уже сидели за столами. Никто не спросил, почему мне оставили испорченные образцы. Один парень даже привстал посмотреть: на таком материале не получится сдать работу, и он знал это не хуже меня.

Сняла рюкзак со стула и поставила у стены. Лучше аккуратно — иначе спорить будем уже не о препаратах, а о царапине на чужой коже. Натянула медицинские перчатки, достала чистый учебный скальпель. На такое занятие хватит и тонких: я не собиралась хватать испорченную ткань голыми руками. Оставалось выбрать участок, на котором хоть что-нибудь видно, пока они наблюдали, как я устраиваюсь за столом.

Если хотите смотреть — смотрите. Я тоже собиралась показать кое-что, только не слёзы.

Начала с участка, который ещё можно было разобрать. Отложила испорченный край, сверилась с рисунком и аккуратно отделила нерв. Сложнее, чем на свежем препарате: чуть потянешь — порвётся. Поэтому на шепотки не оборачивалась. Лучше пусть увидят, как я справлюсь с тем, что они мне оставили, чем приму новый образец из их рук и буду благодарить за одолжение. Над нужным участком пришлось наклониться ниже, но ход нерва всё-таки удалось проследить.

Марк подошёл, когда я уже добралась до нужного участка. Белый халат, под ним дорогая рубашка — он явно не собирался ничего препарировать. Остановился напротив, загородив свет, и посмотрел поверх моей головы. Пришлось поднять глаза, хотя я предпочла бы закончить разрез.

— Ну-ну, Ветрова, — его голос был тихим, но в гулком зале он прозвучал как удар колокола. — Ты серьёзно думаешь, что это засчитается? Или ты привыкла работать с мусором в своём захолустье?

Прежде чем я успела ответить, он небрежно ткнул локтем в край стола. стакан с водой, стоявший рядом, качнулся и перевернулся. Холодная жидкость плеснула прямо на мои перчатки и разлетелась брызгами по тетради с чертежами.

Вода добралась до тетради. Я приподняла её за сухой угол; с пальцев капало на стол. Марк улыбался, даже не пытаясь поставить стакан обратно. Мне до боли захотелось обтереть руки о его белый халат.

Стянув мокрую перчатку, я положила её возле перевернутого стакана. Марк смотрел, пока я возилась с краем, прилипшим к запястью. Теперь можно было поднять голову и встретить его взгляд — не снизу, как возле той лужи, а через рабочий стол.

Марк отвёл глаза к мокрым листам. Кажется, ждал, что я сначала попытаюсь их спасти и только потом заговорю с ним.

— Грязь смыли, детка, — бросил он, но в его голосе проскользнула нотка раздражения. Ему не нравилось, что его провокация не сработала.

— Иди дальше, Ветрова, — раздался сладкий, как яд, голос Евы. Она подошла ближе, держа в руках новую пару дорогих силиконовых перчаток. — У тебя же теперь нет денег на замену этих... дешёвых тряпок. Бедная девочка. Возьми мои старые, они чуть потёртые, но тебе должно хватить гордости надеть чужое.

Смех группы стал громче. Она встряхнула перчатками прямо перед моим лицом. На одной был растянут край. Эти люди всерьёз ждали, что я надену чужие использованные перчатки и поблагодарю дочь декана.

Я посмотрела на перчатки в её руке, потом на свои голые пальцы, которые только что обсохли после воды.

— Мне не нужны твои отходы, Ева, — сказала я ровно, не повышая тона. — Одноразовые перчатки не донашивают, Ева. Даже из милосердия. Оставь себе этот аттракцион щедрости.

Тишина повисла на секунду тяжелее предыдущей. Ева побледнела, прижав перчатки к груди. Марк присвистнул сквозь зубы, глядя на меня с новым, более опасным интересом. Я достала запасную пару из упаковки в кармане халата. Последнюю — потом придётся снова просить расходники у лаборанта. Но Ева осталась стоять с протянутой рукой, и никто больше не смеялся. Я отвернулась, возвращаясь к своей работе, игнорируя тот факт, что только что объявила войну королевам курса.

Глава 4

На перерыве вышла в коридор, чтобы успокоиться, и вернулась через десять минут. Тетради на столе не было. Скальпель и препарат остались, а её место оказалось пустым.

На мокром столе положили чистый лист. Как будто этого хватит вместо чертежей, которые я делала всё утро. Подняла его, но под ним тоже ничего не было.

Я заглянула под стол, подняла чужую папку. Тетрадь была толстой, с синей обложкой — её нельзя было случайно унести вместе с листком. Кто-то взял её, пока я сушила руки в туалете. Я стояла посреди зала, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Меня снова обнулили. Снова превратили в ноль.

Но плакать было некогда. Работа должна быть сдана завтра.

Достала новую тетрадь и стала восстанавливать рисунки. Нервные окончания помнила хорошо, вот подписи приходилось перепроверять в голове. Остановлюсь сейчас — начну думать о том, кто взял старую тетрадь, и больше ничего не успею. Пальцы сводило, поэтому время от времени клала ручку на стол и распрямляла кисть.

За окнами стемнело, и рисунок стал хуже виден. Я придвинулась к свету. Лампы в коридоре погасли одна за другой; за дверью щёлкнул замок. Отложила ручку, прислушалась. Может, просто закрывают соседний зал? Но звук был прямо здесь.

Проверила дверь — заперта. Позвала в коридор, ответа не было. Телефон уже час как выключился; я ещё надеялась, что заряд остался хотя бы на сообщение, но экран не загорелся.

Ударил по двери ладонью ещё раз. Постояла, слушая. Никто не шёл. Здесь после девяти отключали отопление; я чувствовала, как остывает спина под халатом. Села на пол, подтянула колени. Кому вообще придёт в голову искать меня в анатомическом зале? Попыталась представить, что скажу утром, если меня найдут здесь, и разревелась. Уже не на глазах у Евы — некому было смотреть и пересказывать.

В коридоре мелькнул фонарик. Я поднялась, чтобы постучать снова, но к считывателю уже приложили карту. Замок открылся, дверь медленно пошла внутрь.

На пороге стоял Кирилл Соколов. Интерн с шрамом на лице, которого все избегали. В руках он держал термос и свой вязаный шарф.

Кирилл поставил переносной фонарь на стол, рядом термос. На меня посмотрел уже потом, когда убрал из света листы и освободил место.

— Пей, — сказал он. Голос был хриплым, низким.

К чаю пока не потянулась. После платка Евы трудно было просто взять то, что мне давали. Кирилл заметил и не стал подталкивать термос ближе.

Кирилл вздохнул, сел напротив меня на корточки и достал из кармана халата сложенный лист бумаги. Мой украденный черновик.

— Около трёх я видел, как Ева вышла отсюда с твоей тетрадью. Марк стоял в коридоре, — сказал он, разглаживая бумагу. — Потом нашёл это в корзине у ксерокса. Остальных листов там уже не было.

На листе был мой рисунок. Узнала свою стрелку, слишком длинную, и пометку в подписи. Не копия из учебника. То, что я делала сама.

— Зачем ты это делаешь? — прошептала я.

Кирилл посмотрел мне в глаза. Он ждал ответа. Термос стоял между нами, я держала ладонь на его тёплой стенке и не решалась придвинуть к себе. Мне нравилось, что он не уговаривает. И было страшно, что уйдёт.

— Потому что они боятся тебя, Алина. Не потому, что ты слабая. А потому, что ты видишь их ошибки быстрее, чем они успевают их исправить. Ты единственная, кто может сломать эту систему. Но тебе нужно оружие. Моё оружие — данные. Твоё — руки.

Он протянул мне термос. На этот раз я взяла его. Я наконец открутила крышку. Пар намочил губы. До чего же обидно было чуть не заплакать над обыкновенным чаем, когда совсем недавно я выдержала всю их компанию.

— Мы работаем вместе, — сказал он. — Грант или ничего.

Кирилл встал. Шарф положил рядом с фонарём, термос оставил мне. Я смотрела, как он выходит: теперь знала, что дверь открывается, и могла уйти следом.

Дверь осталась незапертой. Света фонаря хватало на мою тетрадь; я придвинула её ближе и взяла ручку. Первую строку написала крупно — не для преподавателя, для себя:

«Как уничтожить королеву курса, используя её же правила».

В кабинете ректора стул для посетителей отодвинули к стене. Придвинуть его под взглядом Волкова не решилась. Стояла перед столом, придерживая папку, пока он читал с монитора. В животе урчало; я надеялась, что за гулом компьютера не слышно. Документы он пока не взял. Может, хотя бы попросит их, когда закончит читать?

— Недостаточный рейтинг, — произнес ректор Волков, не поднимая глаз от монитора. Его пальцы, тонкие и аристократичные, лениво перебирали клавиши. — Инцидент со скальпелем, Алина. Это пятно на твоей карьерной биографии. Ты понимаешь разницу между студенткой из глубинки и будущим элитным хирургом?

— Я понимаю разницу между ошибкой и предательством, — мой голос дрогнул, но я заставила себя выпрямить спину. — Я случайно нарушила стерильность. Я не убивала пациентов. Правила конкурса допускают апелляцию...

Волков наконец оторвался от монитора. Посмотрел на папку, которую я всё ещё держала, и скользнул глазами по лицу. Даже не попытался рассмотреть мои листы.

— Место найдется для достойных, девочка. Не для тех, кто роняет инструменты в первый же день стажировки. Иди.

Вышла с тем же неподписанным заявлением. В коридоре чуть не врезалась в студента, остановилась и расправила бумаги. Завтра мне скажут, что вопрос не рассмотрен: ведь ни отказа, ни подписи сейчас нет. И опять придётся стоять перед этим столом.

В столовой пахло борщом и жареным мясом. Взяла свой хлеб и села в углу, спиной к стене: хотя бы за спиной никто не станет рассматривать, что у меня на обед. Корочка была жёсткой. Отломил маленький кусок, подождала, пока размокнет во рту.

— Ой, смотрите, кто тут сидит! — голос Евы Лунской резал воздух, словно скальпель. Она подошла к моему столу вместе со своей свитой. На ней был безупречный белый халат, а на запястьях поблескивали часы, стоившие больше, чем годовая аренда комнаты в общежитии. — Алина Ветрова. Наше маленькое фиаско. Слышала, тебя не пустили на конкурс? Жаль. Мы так надеялись, что ты покажешь мастер-класс по падению с высоты собственного самомнения.

Кто-то из ее группы хихикнул. Я смотрела на свои руки, вцепившиеся в края стола до побеления костяшек. Хлеб застрял в горле. Чтобы запить, пришлось бы попросить её отойти от стакана. Я спрятала остаток в салфетку и убрала в карман: доем там, где она не станет считать мои куски.

Через три стола сидел Марк. Его стакан воды почти опустел, он всё ещё вертел его за ободок и смотрел на меня. Еву, выступавшую перед моим столом, будто не замечал. Я поднесла свой стакан ко рту: пусть хотя бы не видит, что хлеб мне уже не проглотить.

Ева что-то рассказывала своей группе. Я следила за Марком: он наклонился к соседу и сказал несколько слов, тот посмотрел в мою сторону. Хотелось расслышать. Спрашивать пришлось бы у Евы, а ей я такой радости не собиралась доставлять.

После обеда я побежала в кабинет профессора Громова. Единственного человека, который действительно ценил мои знания анатомии.

Громов сидел в полумраке, глядя в окно. Когда я вошла, он вздрогнул, но не обернулся.

— Профессор, мне нужна ваша рекомендация. Формально, вы можете...

— Алина, — он прервал меня сухим, старческим голосом. — Декан позвонил сегодня утром. Если я подпишу эту бумагу, моя лаборатория лишится финансирования на следующий год. Ты понимаешь, что это значит?

Сердце пропустило удар. Громов не взял заявление. Я протянула его дальше, уже понимая, как это жалко выглядит. На его столе лежали десятки подписанных бумаг — для них финансирование, видимо, ещё находилось.

На улице шёл дождь. Прикрыла папку курткой и побежала к медицинскому корпусу. Отец не получит отсрочку по долгам от того, что я аккуратно постояла перед ректором. Ему нужны деньги, мне — этот грант. Нужно говорить с Кириллом, пока он не ушёл на дежурство.

Комната Кирилла была в подвале, за коридором с трубами. Дверь приоткрыта, оттуда пахло остывшим чаем. Он сидел у компьютера; в свете экрана шрам казался темнее, чем днём. Я остановилась на пороге и подождала, чтобы он оторвался от клавиатуры.

— Тебе нельзя здесь быть, Алина. — Он не повернулся.

— Мне нужно участие в конкурсе, Кирилл. Любой ценой.

Он развернулся вместе со стулом. Я держала папку обеими руками и приготовилась объяснить, почему всё ещё пришла.

— Наш проект сырой. Данные неполные. Если мы подадим заявку сейчас, нас отсеют на первом этапе. А если узнают, что ты пытаешься обойти ректорат... Тебя исключат. Меня уволят по статье. У меня нет денег на адвоката. Нет поддержки семьи. Я потеряю всё.

— Тогда я пойду одна, — сказала я, чувствуя, как внутри все обрывается. — Одна, без куратора, с одним экспериментом. И проиграю. Но я хотя бы попробую.

Кирилл отодвинул клавиатуру, но не встал. Я уже хотела повторить, что пойду одна, когда он заговорил снова.

— Есть лазейка, — пробормотал он, скорее себе, чем мне. — Пункт 14 старого устава, который забыли обновить после реформы. «Экспериментальная группа без куратора». Но заявку нужно успеть отправить через внутренний терминал до шести утра. Кабинет заперт. Ключи утеряны. Никогда не сработает.

— Сработает, — я шагнула ближе, схватив его за рукав халата. Ткань была грубой, шершавой. — Ты знаешь, как вскрывать замки. Я видела, что у тебя есть служебный доступ. Помоги мне. Я могу восстановить схему по памяти, но без заявки её никто не посмотрит. Помоги мне хотя бы добраться до терминала.

Разжала пальцы на его рукаве. Тащить Кирилла за собой я не могла — слишком хорошо знала, как это неприятно. Он посмотрел на часы и придвинул клавиатуру ко мне.

— Сначала короткое описание метода. Без него дверь открывать незачем.

Я села. И он согласился.

Глава 5

В пять утра мы вышли из подвала. В коридоре никого, слышно только вентиляцию. Кирилл шёл чуть впереди; на каждом повороте мне хотелось спросить, не остались ли ещё сотрудники. Прислушалась сама. Шагов не было.

На втором этаже, в конце длинного коридора, ведущего к кабинету комиссии, нас ждали.

Марк стоял у стены, скрестив руки. Свет аварийной лампы делал его особенно бледным. За ним держался охранник. Я посмотрела, можно ли обойти с другой стороны, но там тоже не хватало места на двоих.

— Куда идем, Алина? — его голос был тихим, но эхо разнесло его по всему этажу. — К ректору? Просить милости?

— Мимо тебя, — ответила я, не сбавляя шага. Кирилл шел рядом, напряженный, как струна.

Марк шагнул вперед, преграждая путь. Он был выше меня на голову, шире в плечах. От него пахло дорогим парфюмом и табачным дымом. Я замедлилась, чтобы не ткнуться лицом ему в грудь. Кирилл остался рядом, хотя перед ним был свободный проход.

— Если ты попытаешься обойти систему, я лично уничтожу твою карьеру еще до того, как она начнется, — прошипел он. В его глазах горело что-то новое. Не злость. Замешательство.

Остановилась, не отступая. Отсюда я уже видела дверь, к которой мы шли. Остаться в коридоре из-за Марка было бы хуже, чем ответить ему и нарваться на очередную угрозу.

— Уничтожить меня уже нечем, Марк, — сказала я четко, слыша собственное спокойствие. — Но ты можешь посмотреть, как я выживу.

Я уже готовилась повторить, но Марк посмотрел на охранника, потом опять на меня. Ему пришлось бы схватить меня при свидетеле или всё-таки пропустить. На этот раз у него не нашлось подходящей реплики. Он отступил на полшага, позволяя нам пройти. Охранник растерянно оглянулся на хозяина, но Марк лишь махнул рукой: «Пропускаем».

Прошли мимо. Хотелось оглянуться, идёт ли он следом; удержалась. Услышу шаги — тогда и посмотрю.

Кабинет комиссии находился в крыле, закрытом на ремонт. Вход только через служебный лифт. Кирилл достал из кармана тонкую проволоку и натяжитель.

— Секретарь сказал, ключей нет, — прошептал он, возясь с замком.

— Значит, их не существует, — ответила я, держась за дверь, которая едва не поддавалась сквозняку.

Замок щёлкнул. Кирилл убрал инструменты в карман и толкнул дверь. Я вошла вслед за ним, придерживая створку, чтобы не ударились о стену.

Посветила телефоном на стену, потом на шкафы. Пахло плесенью и старыми папками. Здесь нужно найти один пункт, а шкафов было столько, что я растерялась. Кирилл направил луч на ближайшую полку.

— Быстрее, — скомандовал Кирилл, доставая чистые бланки регистрации, которые сохранил с прошлого конкурса.

Пока он заполнял графы, я искала доказательство легитимности пункта 14. И наткнулась на стопку папок с грифом «Архив. Конфиденциально». Внутри лежали документы предыдущих лет. Баллы студентов, списки отказов, служебные записки декана.

В списках бедным стипендиатам систематически занижали рейтинг. Сверила несколько фамилий: для детей преподавателей те же нарушения стоили меньше баллов. Рядом лежали записки декана. Вот это уже не объяснишь моей неуклюжестью в операционной. Я стала искать номер решения, чтобы сослаться на него в заявке.

Можно было пригрозить этим архивом. Но тогда спорить стали бы не о моих баллах, а о том, как я сюда попала. Нужен был пример законного исключения — тот, который они уже подписали.

Я посмотрела на формулировку в пункте 14: *«Допускается участие групп, чьи статистические данные подтверждают уникальность метода, вне зависимости от административного рейтинга участников»*.

В старых решениях нашлись восстановленные рейтинги. Комиссия уже признавала, что баллы могут считать неправильно. Я положила нужные листы поверх остальных, чтобы Кирилл их увидел.

— Кирилл, — позвала я тихо. — Нам не нужно шантажировать. Нам нужно доказать, что система сама допускает такие исключения. Используй эти цифры как пример прецедента. Наша заявка законна, потому что правила всегда трактовались гибко для «особых случаев». А мы — особый случай.

Кирилл перечеркнул первую строку заявления и начал заново. Я диктовала номера решений, не выпуская листов. Эти исключения комиссия уже утвердила сама — оставалось объяснить, почему в этот раз отказывает.

Писали быстро. Когда в коридоре мигнул свет, оторвалась от листа. Шаги приближались; я показала Кириллу на дверь. Он продолжил заполнять последнюю графу.

Я прижала ладонь к двери кабинета, услышав шаги Марка снаружи. Он остановился прямо напротив двери. За моей спиной тихо пискнул терминал: «Заявка принята. Ветрова А.В., Соколов К.С.». Я успела сфотографировать номер регистрации. Теперь он не мог просто сказать, что нас здесь не было.

Марк стоял за дверью. Номер регистрации был у меня в телефоне, но выйти мимо него ещё предстояло. Я убрала бумаги в папку, стараясь не торопиться.

В библиотеке шёл ремонт, но нужные мне журналы остались внутри. Я видела их через стекло: на верхней полке, куда обычно лезла по лестнице. Так близко, что хотелось попросить охранника просто подать один том. Главный вход закрыли на три дня, но я знала про служебный лаз у подсобки, где хранились просроченные реактивы. Мне нужно было время. До предварительного отбора оставалась неделя, а без старых публикаций по нашей методике я была просто студенткой с амбициями и пустыми карманами.

Прижалась к стене возле служебного прохода. Охранник делал обход каждые двадцать минут, с прошлого прошло девятнадцать. Ещё минута — и он вернётся. Проверила скрепку и изоленту в кармане. Дед использовал такое, когда терял ключ от сарая; мне казалось, что я запомнила его движения. Хорошо бы спросить сейчас, как он добирался до замка. Но дед дома, а дверь здесь. Пальцы уже лежали на панели, и отступить в последний момент было глупо.

Замок щёлкнул после моей возни со щитком. Дверь отъехала, я отдёргнула руку — кончики пальцев саднили. Внутри темно и холодно. Вошла боком, чтобы не зацепиться сумкой. Охраннику хватит одного стука, чтобы понять, где искать человека с инструментом вместо пропуска.

Шла на ощупь. Полоч не видно, бумагу почувствовала только у самой стены. Шагнула и ударилась ногой о что-то мягкое. Тут же сдвинулось в сторону. Человек. Я застыла.

— А! — вырвалось у меня.

Кирилл схватил меня за запястье, поднял фонарик. Зажмурилась от света и потянула руку к себе, но он не отпустил. Узнала шрам, потом его лицо. Он сидел среди книг, будто давно устроил здесь себе место. Даже не сразу обрадовалась, что это он, а не охрана: хватка была больной.

— Всё-таки пришла? Ева послала? — его голос был сухим треском. Он не отпускал мою руку, готовый кричать или бить. — Или игрушка Марка? Посланная выследить меня?

Подняла свободную руку, показывая испачканные сажей пальцы. Он смотрел; на запястье уже осталась серая полоса от его ладони. Чего ещё ждал? Что я пришлю Еве своё селфи рядом с ним? Тряхнуть рукой хотелось, но сначала нужно заставить его выслушать.

— Если ты сдашь меня ректору, они узнают, где ты прячешься, — прошептала я. — И тогда тебя вышвырнут окончательно. А я останусь с пустыми руками и отчислением. Нам обоим невыгодно говорить лишнее.

Кирилл посмотрел на пальцы, потом на меня. Я стояла и ждала, когда отпустит. Он разжал руку не сразу. Потёрла запястье, чтобы хоть как-то занять освободившуюся ладонь.

— Почему ты здесь? — спросил он, включая фонарик телефона и кладя его экраном вниз, чтобы не привлекать внимания.

— Мне нужен старый кейс по нейрохирургии Лунского, — выпалила я. — Тот, который я разбирала для курсовой в прошлом семестре, ещё до перевода сюда. Там есть схема, которую она украла и опубликовала под своим именем. Без неё мой проект разваливается на защите.

Кирилл усмехнулся и опустил глаза к журналам. Я приготовилась объяснять, зачем мне нужен именно этот том.

— Ты думаешь, одной заявки хватит, чтобы я поверил тебе? — он отвернулся, возвращаясь к чтению медицинских журналов, лежащих на полу среди коробок. — Я потерял всё из-за таких, как твой Марк. Из-за их денег и связей. Я здесь потому, что мне негде жить после выселения за «неподобающее поведение». То есть за то, что я посмотрел на дочь декана слишком внимательно. Зачем мне помогать тебе?

После всей возни с дверью пришлось убеждать ещё и собственного партнёра. Выдернула блокнот; за него зацепилась подкладка сумки. Кирилл потянулся помочь, я отодвинулась и освободила сама. Села рядом на пол, раскрыла мелкие записи и схемы сосудов. Хватит говорить о Еве. Пусть посмотрит, над чем я работала.

— Потому что ты видишь то, что другие пропускают, — сказала я вслух, игнорируя его презрение. — И потому что я знаю анатомию лучше, чем любая золотая девочка этого курса. Смотри.

Стала объяснять связи между тройничным нервом и сосудистыми плексусами. Сначала слишком громко — от злости. Потом тише, чтобы охранник не услышал. Кирилл следил по рисунку, ничего не спрашивал. На кровоснабжении ствола мозга я замялась, попыталась сразу продолжить дальше, но он остановил меня.

— Стоп. Ты используешь классификацию Рэндалла, но описываешь паттерн Бейкера. Это ошибка новичка. Или очень плохая попытка меня проверить.

Взглянула на подпись к схеме: он прав. Сама перепутала обозначения именно в том месте, которым собиралась его убедить. Теперь он смотрел на блокнот, а я чуть не прикрыла страницу ладонью. Хороший исследователь из меня вышел: сначала хвасталась, теперь нужно исправлять простейшую ошибку. Бежать было поздно, он уже её прочитал.

Достала маркер и нарисовала схему поверх текста в его журнале. Кирилл мог бы возмутиться, но следил за линией. Подписи исправила сразу, затем показала ход сосуда, который сама препарировала. Таблица обрывала объяснение именно здесь; на рисунке видно, почему переход должен быть другим. Я подвинула журнал к нему: теперь пусть спорит с этой частью, а не с перепутанными буквами.

— Ты видишь цифры, Кирилл, — произнесла я тихо, глядя ему прямо в глаза. — Я вижу плоть. Мы оба правы. И если мы соединим эти две правды, мы получим ключ.

Он смотрел на рисунок. Провёл пальцем вдоль одной линии, попросил объяснить переход. Я объяснила. Потом ещё раз, потому что он уже спорил по существу. Ну наконец-то. Можно было забыть хотя бы на минуту, кто здесь кому не верит.

Глава 6

В этот момент над головой загорелось аварийное освещение. Резкий красный свет залил зал архива. В дверях появился силуэт охранника.

— Черт, — шипнул Кирилл.

Кирилл выключил телефон, потянул меня между стеллажами. Прижалась к нему: по другую сторону полки уже шёл охранник. Глубоко вдохнуть не получалось, грудь упиралась в его плечо. От одежды пахло дезинфектантом и потом. Вот так мы спрятались — человеку достаточно повернуть фонарик, и он увидит обоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.